

Ольга Бредникова, Гюзель Сабирова

Дети в мигрантских семьях: родительские стратегии в транснациональных контекстах

Фокус данной статьи — осмысление особенностей родительства, родительской заботы и анализ практик заботы о детях среди мигрантов, приехавших из Средней Азии в Санкт-Петербург на заработки. Мы попытались понять контексты и особенности родительской заботы о ребенке в условиях трансмиграции. Режимы родительской заботы в ситуации миграции определяются самими обстоятельствами миграции, многодетностью, поддержкой со стороны родственных сетей и государств. Родители-мигранты оказываются перед задачей распределения ограниченных материальных, социальных и эмоциональных ресурсов между детьми.

Ключевые слова: миграция, дети мигрантов, родительская забота.

В Петербурге поздняя осень, идет дождь. Мы сидим в кафе и смотрим фотографии летнего отпуска. Мы — это одна из авторов статьи и Гульнара¹, мигрантка из Узбекистана. Кафе, по ее словам, узбекское. Это известное и популярное место среди многих мигрантов из Центральной Азии. На столе — зеленый чай. В телефоне — фотографии летнего Узбекистана. Многочисленные дети на фотографиях — это племянники Гульнары. На вопрос о фотографиях ее детей Гульнара плачет: «Удалила, мне очень больно смотреть на эти фотографии... Я очень по ним скучаю! Знают ли они, что мы все уезжаем только ради них?! Поймут ли когда-нибудь?»

* * *

Дети мигрантов и дети-мигранты — ныне довольно популярная исследовательская тема. Она мощным потоком вошла в миграционные исследования, и количество публикаций по мигрантскому детству и родительству действительно поражает. Можно предположить, что причиной тому стали определенные методологические сдвиги середины 1990-х гг. в этом поле. С одной стороны, это так называемый «мобильный»

Ольга Евгеньевна Бредникова

Центр независимых
социологических исследований,
Санкт-Петербург
bred8@yandex.ru

Гюзель Ансаровна Сабирова

Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург
gsabirova@hse.ru

¹ Здесь и далее все имена изменены.

поворот, в рамках которого современное общество рассматривается как общество мобильных, «неукорененных» индивидов, для которых передвижение является своего рода нормой и вместе с тем ресурсом (см., например: [Бауман 2008; Урри 2012]). С другой стороны, одновременно с этим поворотом мы наблюдаем отступление от доминировавшего ранее экономического подхода в интерпретации жизненных стратегий и практик мигрантов и включение в анализ других, в частности личных, семейных, социальных и прочих, мотивов миграции [Sayad 2007]. В это же время в научный оборот входит термин «транснационализм» (например, [Glick-Schiller et al. 1999]), который к настоящему времени уже пережил волны популярности и критики, но по-прежнему остается влиятельной концепцией, описывающей удвоение повседневности и параллельное существование мигрантов, тесную взаимосвязь разных национальных контекстов, между которыми оказываются приезжие из других стран.

Новая оптика значительно расширила исследовательские перспективы. В фокусе внимания теперь оказываются не только мигранты (по умолчанию — мужчины), но и те, кто «остался дома». В исследования мощным потоком влились игнорировавшиеся ранее женщины и дети, вне зависимости от того, приехали они в миграцию или остались дома. И теперь женские, детские, семейные или родительские истории в миграционных исследованиях стали если и не мейнстримом, то вполне легитимной и достаточно популярной исследовательской тематикой. Родительско-детские взаимоотношения, в частности миграционные стратегии в отношении детей, дистанционные практики участия и заботы о них, концепции воспитания в условиях «удвоения» рамок референций и социальных реальностей, остаются достаточно актуальными и активно разрабатываемыми темами.

Центральный фокус данной статьи — особенности родительства и родительские стратегии мигрантов из Средней Азии, приехавших в Санкт-Петербург. В данной работе под родительскими стратегиями мы понимаем комплекс представлений и практик по реализации родительства мигрантов, который включает родительское участие и заботу в ситуации миграции, решения о миграции детей и возвращении их на родину, действия родителей в отношении интеграции ребенка в ту или иную среду, эмоциональное сопровождение миграционного родительства и пр.

Эмпирическое исследование, на основе которого вырос данный текст, было реализовано в 2013–2014 гг. в рамках двухлетнего коллективного проекта по изучению внешкольной актив-

ности детей мигрантов¹. Проект использовал комплексную методологию, и работа велась в нескольких направлениях, среди которых — исследование в петербургских школах и учреждениях внешкольного образования. Основной исследовательский фокус — интеграция детей с миграционной историей, в частности их включение в школьные и внешкольные дружеские сети. Представляемая статья в основном выстроена на данных, полученных при исследовании семейных контекстов досуговых практик детей с миграционной историей, в частности это данные, почерпнутые из бесед с родителями, а также из наблюдений за семьей в разных контекстах. Подобная работа имеет ряд методологических сложностей, прежде всего связанных с закрытостью и недоверием родителей, а также с их плотным графиком работы. Всего были исследованы семь кейсов семей мигрантов из Узбекистана и Кыргызстана, в которых мы постарались подобрать самые разные ситуации: все дети в миграции или кто-то из детей остался на родине; дети посещают школу или «сидят дома»; дети, которые живут в России много лет или были привезены недавно. Помимо непосредственно данных самих кейсов, к анализу привлекались другие материалы проекта, имеющие отношение к выстраиванию детско-родительских отношений, восприятию родительских практик детьми и родительским представлениям о воспитании ребенка.

Детство и родительство в миграционных исследованиях

Весь массив публикаций по исследуемой тематике можно разделить на два больших направления. Ранняя традиция исследований мигрантов-родителей концентрировалась на вопросах адаптации, интеграции, аккультурации детей разных поколений в принимающем обществе, передачи социального и культурного родительского капитала, влияния этого на их успеваемость в школе и другие социальные успехи [Portes, Rivas 2011] или эффективность использования возможностей инфраструктуры досуга для развития ребенка [Lagueau 2003]. Сюда же можно отнести исследования того, как дети разных поколений миграции обустривают границы и различия между школьной, молодежной средой и домашней, этнической культурой родителей.

Другое направление выбирает своим фокусом транснациональные контексты семей мигрантов [Carling, Menjivar,

¹ Материалом для статьи послужили данные, собранные в рамках коллективного проекта РФНФ «Внеучебная активность и интеграция детей мигрантов» (№13-03-00576), реализованного в Центре молодежных исследований НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург) в 2013–2014 гг., руководитель: Г. Сабинова, участники: Р. Акифьева, Ю. Андреева, О. Бредникова, а также студенты: А. Любишина, А. Макеев, С. Поляков, А. Свистунова.

Schmalzbauer 2012] и на сегодняшний день включает целый ряд разнообразных тем. Например, это могут быть вопросы гендерных различий родительства и детства, того, как по-разному осуществляются материнство и отцовство, а также как в ситуации миграции проявляются различия в отношении к сыновьям и дочерям. Есть своя специфика и в том, как реализуется «транснациональное воспитание», как трансформируются возможности реализации и форматы родительской заботы, на которые может влиять классовый статус мигрантов, практики и структуры дистанционной коммуникации, юридические основания транснационального контекста родительско-детских отношений. Появился даже такой термин, как «транснациональное дисциплинирование», когда родители используют угрозу «отправлю обратно» или «не возьму с собой» как воспитательный инструмент. В условиях транснационализма актуальными становятся вопросы о том, как различные культурные контексты сказываются на выборе тех или иных воспитательных практик. В миграционных исследованиях обращается внимание на то, насколько подвижными могут быть разные обстоятельства семьи, вовлеченной в миграцию. При этом дети рассматриваются как полноправные агенты миграции, которые могут быть ее причиной, участниками и субъектами и получают свои бонусы или, наоборот, испытывают лишения [Bushin 2009]. Дети «Питеры Пены» или «дети-парашюты» — разные обозначения того, какую роль играют дети в выстраивании семейных стратегий миграции. Дети оказываются причастными к созданию самого контекста «транснационализма», проблематизируя свое и родительское «промежуточное» положение [Orellana et al. 2001]. Анализ транснациональных контекстов предоставляет новый материал для переосмысления концепций «материнства» [Patt 2001] или «домохозяйства», а также ставших нормативными представлений среднего класса о том, что все потребности детей должны удовлетворяться родителями в рамках нуклеарной семьи, базирующейся в одном сообществе. Практики родительской заботы могут определяться самыми разными обстоятельствами миграции, например расстоянием между страной исхода и актуальным местом жительства [Leifsen, Tymczuk 2012].

В России дети мигрантов чаще изучаются с точки зрения их интеграции и школьной успешности [Иванюшина, Александров 2013; Макаров 2010], в поле внимания зачастую не входят семейные и родительские контексты, игнорируются дети, которые не попадают в школу, а остаются дома. В наших изысканиях мы также прошли определенный путь поиска актуального и релевантного исследовательского фокуса, перейдя от изучения школьных проблем детей из мигрантских семей [Омель-

ченко и др. 2010] к их досуговым практикам [Сабинова, Андреева 2014], информация о которых оказалась важнейшим исследовательским материалом, а затем и к семейным и родительским контекстам, вследствие чего тема транснационализма и оказалась в поле нашей рефлексии.

Наш теоретико-методологический подход в данном тексте строится на принципах интерпретативной традиции социальных исследований, где важны индивидуальные контексты производства смыслов и значений и основным аналитическим инструментом становится понимание. Центральные категории нашего анализа — это родительские стратегии и транснационализм. Термин «родительские стратегии» используется для описания родительских практик мигрантов в отношении своих детей, различных аспектов участия в жизни ребенка, в том числе материальных, социальных, культурных и эмоциональных. Включение транснационализма как инструмента анализа позволяет не терять из виду «двойственность», «подвижность» семейных контекстов, опыта родительства и детства.

Методологические вопросы исследования мигрантского родительства

Удивление — один из наиболее действенных исследовательских механизмов. В данном исследовании удивляло многое. И, пожалуй, прежде всего поразил дом мигрантов, в котором есть дети. Они зримо отсутствовали там, ибо ничто в доме не говорило о том, что тут живут не только взрослые. Наш жизненный опыт демонстрирует как раз обратное: если в доме есть ребенок, то буквально все кричит об этом — будь то игрушки, от количества которых спотыкаешься, будь то специальный детский дизайн пространства в специально выделенных уголках или комнатах, будь то обычные вещи, но особого маленького размера и т.д. Современное западное общество детоцентрично (например, [Гидденс 1999: 70]), в его рамках детство выделено как особый жизненный период, при этом ребенок требует не только особого отношения, отличающегося повышенным вниманием и заботой, но и больших временных, денежных и эмоциональных вложений. Подобное отношение к детству и детям настолько распространено и нормализовано, что иной подход может вызвать удивление и недоумение, что, собственно, и произошло во время нашего исследования. Иная организация пространства, в частности «видимое отсутствие» детей в доме, напомнила нам антропологическую максиму о разнообразии обществ и о том, что любовь и внимание к детям могут принимать самые разные формы и выражения. Наш собственный детоцентристский подход, изначально проявив-

шийся в исследовании, покачнулся, признание других возможных вариантов позволило уйти от проблематизации явления и рассмотреть сам феномен. Можно сказать, что отказ от детоцентристской оптики стал важнейшим методологическим основанием исследования.

Другим важным методологическим основанием можно считать вопрос о роли детей в исследовании миграции. Как мы видели в исследовательской зарисовке в начале статьи, миграция зачастую интерпретируется через детей, легитимируется через заботу о них. Дети становятся важнейшими транснациональными агентами, ибо часто выступают главными реципиентами финансовой и прочей поддержки, становятся главным связующим звеном с домом и пр. Именно поэтому включение детей в анализ феномена миграции не только легитимно, но и необходимо. При этом их включение в анализ не всегда означает признание субъектности. Зачастую дети априори рассматриваются как жертвы, обуза, «нелегкий багаж» мигрантов [White et al. 2011]. Кроме того, исследование детей — довольно сложное дело, требующее особой методологии и техник, бережного подхода и массы разрешений. Вообще подобного рода исследования ставят множество вопросов о том, что такое субъектность детей, когда и где она начинается, как и какими средствами можно ее уловить. Очевидно, именно поэтому распространены исследования «детей без детей».

Следует признать, что перечисленные выше методологические принципы нельзя рассматривать в качестве исходных посылок нашей работы. Мы пришли к ним в ходе самого исследования, когда большая часть материала была уже собрана. И лишь отчасти мы смогли реализовать эти принципы. Сейчас уже понятны наши ошибки и тем более «пробелы». Так, исследование детей мигрантов мы начинали с изучения взрослых — учителей, родителей, воспитателей. Разговоры с детьми сначала велись в присутствии родителей или даже «через родителей». И лишь к концу полевого этапа в некоторых кейсах удалось пообщаться с детьми напрямую, например погулять с ними, сидеть вместе в их любимые места, посмотреть на город с их точки зрения. Однако мы полагаем, что появившиеся первые методологические вопросы и поиск на них ответов — это тоже результат. Представленное здесь исследование можно рассматривать как своего рода этап работы, в ходе которого были сформулированы первые проблемы и поставлены нужные вопросы, сформирован исследовательский фокус, выработана исследовательская стратегия и определена география исследования, включающая места исхода, появились первые наблюдения и выкристаллизовались первые идеи концептуализации. Таким образом, в данной работе лишь намечены основные

исследовательские и методологические перспективы исследования детей из мигрантских семей и представлены первые исследовательские результаты.

Последнее методологическое замечание связано с понятием транснационализма. К сожалению, наше исследование, несмотря на признание важности двойной оптики и двухстороннего анализа миграции, оказалось «однобоким». Исследование проводилось лишь в Петербурге, а транснациональные контексты реконструировались из бесед с информантами. При этом мы осознаем ограничения такого исследования, в частности за пределами внимания и понимания оказываются локальные структурные, социальные и культурные контексты, например такие, как доступность детских образовательных учреждений, условия взросления, паттерны воспитания (ответственность, участие в хозяйстве, помощь в семейном бизнесе и т.д.), особенности контроля за детьми в странах исхода и пр. В этой связи мы не беремся описывать и анализировать те ситуации и контексты, которые остались «дома», а рассматриваем скорее происходящее «здесь и сейчас», исходя из перспективы мигрантов, живущих в Петербурге. При этом мы понимаем, что многие факты, влияния и эффекты могут идти с другой стороны и иначе интерпретироваться другими транснациональными агентами.

Миграция с детьми: специфика российского контекста

Как показывают наши предыдущие исследования и исследования коллег (например, [Рязанцев, Хорие 2010]), трудовая миграция в Россию из постсоветских стран сейчас уже перестала быть исключительно мужским феноменом, все чаще в миграцию приезжают женщины. Кроме того, такая миграция происходит уже второе десятилетие и в связи с продолжительностью феномена имеет тенденцию преобразовываться из индивидуальной миграции в семейную — сложно годами откладывать жизнь «на потом». Вопреки этому российская миграционная политика пока не готова принять этот факт во внимание и переопределить условия. В российском миграционном законодательстве, как, впрочем, и в общественных дебатах, мигрант понимается в первую очередь как рабочая сила. Единственным легитимным основанием миграции становится трудовая деятельность. При этом сам мигрант рассматривается прежде всего как индивид, не имеющий семьи, чья жизнь редуцирована исключительно до трудовой деятельности. В этой связи в рамках законодательства регламентировано пребывание на территории РФ лишь самого участника трудового процесса, а неработающие члены семьи остаются невидимыми для российских

законов. Их статус и правила пребывания никак не специфицированы, на них распространяются общие правила пребывания иностранцев на территории РФ, в частности правила регулярного (раз в три месяца) выезда из России.

Нечувствительность законодательства к детям из мигрантских семей, с одной стороны, провоцирует родителей на нарушение закона, в частности на недокументированное пребывание детей (например, сложно прерывать учебный процесс каждые три месяца и вывозить ребенка за пределы России), с другой — исключает их из структур государственной социальной поддержки. Справедливости ради необходимо отметить, что устройство детей из мигрантских семей в российские школы хотя и сопряжено с определенными трудностями, но происходит. Более того, это становится все более распространенной практикой. Устройство же детей мигрантов в государственные дошкольные образовательные организации фактически невозможно, что связано с общим дефицитом мест и правилами, регулирующими устройство детей в детские сады, выраженными житейской мудростью: «Раньше встанешь в очередь — больше шансов попасть в садик». И в этой связи родители-мигранты оказываются выключенными из структур поддержки и образования, ориентированных на более стабильный образ жизни.

Помимо общих структурных условий, «игнорирующих» детей мигрантов, их жизнь сопряжена с проблемами — нестабильной жизнью родителей, вызванной прежде всего «неукорененностью» и высокой степенью мобильности родителей, как правило, легко перемещающихся в поисках быстрого и более высокого заработка. Дети вслед за родителями вынуждены менять дом, школы, круг друзей и пр. У родителей, как правило, в ситуации миграции ограничены свободное время и материальные ресурсы, и забота о детях предопределяется этими условиями. Кроме того, мигранты социализировались в другом обществе, и у них зачастую отсутствуют специальные локальные повседневные знания и компетенции, востребованные на новом месте жительства. В частности, они не знают о хороших школах, надежных медицинских центрах, качественных детских творческих центрах, дешевых местах для детских развлечений и так далее, что в итоге усложняет и повышает ставки ухода за детьми.

«Дети в движении»: конstellляции детей в мигрантских семьях

Одним из открытий исследования стало наблюдение о подвижности и изменчивости жизни мигрантов. Как бы очевидно или даже банально это ни звучало, в ситуации миграции они

постоянно находятся в движении. Мигранты не выстраивают долгосрочных жизненных стратегий, довольно регулярно уезжают домой и приезжают обратно в миграцию, часто меняют место работы и место жительства. Как показало наше наблюдение, такими же подвижными в миграции оказываются и дети. Они довольно часто перемещаются из дома в миграцию и обратно. Состав детей в миграции и их ротация (кого-то берут с собой в миграцию, а кого-то оставляют; кого-то возвращают домой или обменивают на оставшихся ранее дома и пр.) формируют своего рода изменчивые композиции или даже конstellации, исследование которых во многом стало предметом нашего интереса.

Справедливости ради стоит сказать, что далеко не все мигранты привозят с собой детей. Родители оставляют детей дома с бабушками и дедушками, другими родственниками или даже просто с друзьями и знакомыми. Делегирование родительской ответственности родственникам или просто знакомым — распространенная и нормализованная практика, и, безусловно, было бы интересно провести исследование механизмов перераспределения ответственности, принципов реципрокности и других обменных, в том числе и финансовых, отношений между родителями и временными опекунами, принципов и техник взаимного контроля и пр.

Однако так или иначе по тем или иным причинам дети все-таки оказываются в миграции вместе с родителями. Следует отметить, что детей в миграцию не везут сразу, в первый же приезд родителей. Как правило, детей привозят спустя какое-то время, когда родители (или только отец, если он изначально уезжал один) немного адаптируются на новом месте жительства, найдут более или менее стабильный заработок и приемлемое жилье. Исключение составляют немногочисленные беженцы, в частности уехавшие в миграцию в Россию после вооруженного конфликта в кыргызстанском городе Оше в 2010 г. Другое условие миграции детей — это отъезд обоих родителей или необходимость миграции мамы. В исследовании мы лишь пару раз встретились с ситуациями, когда уже взрослые (примерно начиная с 16 лет) дети были в миграции либо только с отцами, либо с другими родственниками, однако при этом они уже работали. Единственное исключение — это случай, когда дети младшего школьного возраста оказались в Петербурге только лишь с отцом. Как оказалось, маму не пустили обратно в Россию после короткого визита домой в связи с тем, что она ранее находилась в России нелегально, точнее какое-то время не оформляла необходимые для пребывания на территории РФ документы. В данном случае помочь с детьми приехал дедушка — папа папы.

В миграции оказываются дети разного возраста, и причины миграции детей тоже разнообразны. Грудные дети (привезенные или рожденные уже в Петербурге) требуют обязательного материнского ухода. Детей школьного возраста привозят в миграцию с тем, чтобы они подучили русский язык или получили российское образование. Дети постарше приезжают в миграцию для того, чтобы помочь родителям по хозяйству или посидеть с младшими. Наконец, дети воссоединяются с родителями для того, чтобы нуклеарная семья была вместе, для социального и эмоционального благополучия семьи.

В то же время дети часто возвращаются домой спустя какое-то время пребывания в миграции. В своем исследовании мы встретили несколько примеров возвращения. Наиболее распространенная причина — взросление детей¹. Подросшие девочки возвращаются домой в связи с подготовкой к замужеству. Согласно нашим информантам, зачастую пребывание в миграции, точнее в другом культурном контексте, дома интерпретируется как снижение социального статуса девушки или даже понижение ее шансов на брачном рынке дома. К тому же, по мнению родителей, взрослеющая девушка не должна видеть соблазнов или пороков больших городов. Взрослеющие юноши возвращаются в связи с тем, что дома им легче получить высшее образование на родном языке или у них есть желание найти там работу. Нам встречались случаи, когда детей возвращали домой в связи с частыми болезнями в новом климате. Как наиболее проблематичный можно рассматривать возврат неадаптировавшихся детей. Например, в семье мигрантов из Узбекистана трое детей. Двое старших мальчиков (16 и 10 лет) родились и жили в Узбекистане, дочка родилась уже в Петербурге. Старшего сына привезли в Петербург, когда ему было 13 лет, с тем чтобы он выучил русский язык и помог родителям ухаживать за маленькой сестренкой, пока те на работе. В Петербурге в школу его даже не попытались устроить из-за плохого знания русского языка. Аброр год фактически просидел дома, ни с кем не общаясь, кроме близких родственников. Русский язык остался на прежнем уровне. Тогда мальчик стал проситься домой, к бабушке, с которой он вырос, к друзьям. Аброр уехал и поступил в училище в Узбекистане. Однако ему на смену приехал средний сын. По словам родителей, Низом более активный и общительный. Низома устроили в школу, где он с незначительным понижением класса более

¹ Кстати, представления о возрасте, о том, кто, когда и в связи с какими событиями или возрастными трансформациями становится взрослым, не только культурно обусловлены. В интерпретации возраста очень важна контекстуальность. В частности, для мигрантов социальные и культурные контексты множественны. И актуальность или востребованность разных контекстов по-разному проблематизирует возраст одних и тех же людей.

или менее успешно учится второй год, а также помогает следить за первоклассницей-сестрой.

Итак, дети мигрантов и дети-мигранты — это дети «в движении». В связи с разными жизненными обстоятельствами и разной мотивацией и рационализацией они перемещаются «домой и обратно»¹. При этом активная ротация детей формирует сложные, разнообразные и подвижные транснациональные семейные констелляции, что, безусловно, представляет особый интерес при исследовании феноменов транснациональности.

В результате мы создали классификацию детей мигрантов, связанную с их положением в миграции и степенью интегрированности в принимающее общество. Как и всякая модель, она довольно условна и оперирует идеальными типами. Однако ее ценность, на наш взгляд, в том, что она сформировалась на основе общения и наблюдений за отношениями родителей и детей; эта классификация позволяет реконструировать родительские стратегии в связи с детской интеграцией и помогает понять, с чем связаны различия в отношениях с детьми в рамках одной семьи.

1) *Дети — «не мигранты»*. Это дети разного возраста, которые, побывав в миграции, вернулись домой. Среди них — слишком «домашние дети», которые не смогли адаптироваться в новых и непривычных для себя условиях, те, у кого «не получилось...» интегрироваться, — как правило, дети, которые не хотят менять свое место, окружение и образ жизни и чьи родители не предпринимали особенных усилий по интеграции, например не отдавали в школу, не искали возможностей обучить русскому языку. Будущее детей не связывается с миграцией, жизненные проекты относительно будущего связаны со страной исхода. Концепции ухода и воспитания совпадают с моделями, принятыми дома. Однако в ситуации дистанцированного родительства забота и контроль затруднены, они происходят опосредованно — с привлечением коммуникационных технологий и через делегирование ответственности другим людям. Родительское участие фрагментарно и редуцировано.

2) *Дети — «временные мигранты»*. Статус и сроки пребывания детей в миграции не определены; это зависит от того, смогут ли дети выучить русский язык, успешно адаптироваться к новым условиям жизни, в частности к школе, климату и пр. Как правило, это старшие дети, которые успели социализироваться

¹ «Поездки домой и обратно» — рекламный слоган одной из российских авиакомпаний, осуществляющих перевозки между Петербургом и крупными городами Центральной Азии. На наш взгляд, в формулировке слогана тонко подмечено состояние феномена миграции.

дома и прибыли в миграцию уже со своим «багажом» — друзьями и кругом общения дома, со своими представлениями о том, чего они хотят в будущем. Успешность интеграции во многом зависит от личностных характеристик детей и их желания уехать или остаться. Интересно, что родители продолжают относиться к этим детям так же, как они воспитывали их дома. В новых социальных и культурных контекстах родители накладывают на детей прежние ограничения и запреты. Например, девочкам могут запрещать самостоятельные прогулки, о чем еще будет сказано ниже. Складывается впечатление, что в данном случае родители не могут четко позиционировать детей, с тем чтобы определиться с концепцией воспитания. Они хорошо рефлексируют по поводу «болезней роста» местной молодежи и рассказывают о том, как пытаются оградить своих детей от «плохого влияния», например запрещают поездки в летние лагеря и пр.

3) *Дети — «состоявшиеся мигранты»*. Как правило, это родившиеся в миграции или самые младшие и даже «самые бойкие» дети, чья социализация уже в основном происходит в миграции. Они легко овладевают русским языком, успешно социализируются в принимающем обществе, включены в его образовательные институты. С такими детьми связаны высокие ожидания родителей, ибо они являют собой пример успешной интеграции, реализации мигрантской родительской мечты; в их интеграцию вкладывается больше ресурсов. Зачастую эти дети рассматриваются в качестве проводников на принимающей стороне. При этом ребенок уже конструируется иначе, родители сознательно проводят границу между «нами» и «ими», и ребенок оказывается по другую сторону, отдельно от родителей: «Он здесь свой»; «Она уже другая...» (цитаты из бесед).

В качестве иллюстрации классификации можно привести историю одной семьи из Узбекистана. Семья живет в Петербурге почти десять лет. В семье трое детей — дочь 7 лет, сыновья 13 и 16 лет. Старший сын, пожив недолго в Петербурге, вернулся в Узбекистан. По словам родителей, ему здесь не нравилось, он «не прижился». Младшие (Маша и Саша) — с родителями в миграции. Саша — так родители начали называть сына в миграции — с рождения и до 9 лет жил в Узбекистане. По рассказам мамы, лет до четырех он воспринимал в качестве мамы свою бабушку и не знал, что «есть другая мама». Сейчас Саша неплохо учится в российской школе второй год, хорошо говорит по-русски. Однако среди его друзей преобладают мигранты. Маша родилась уже в Петербурге. Здесь она ходила в садик и в этом году пошла в школу. Учится с удовольствием, хорошо. Девочка говорит с родителями только по-русски, так как плохо знает узбекский. Родители не планируют учить ее читать

по-узбекски. Маше с рождения дали русское имя. Мама рассказывает про Машу, что та не любит бывать в Узбекистане: «Она себя там плохо чувствует — ей климат не подходит», — и она теперь старается ее туда не возить. Сама Маша сказала, что ей «та еда не нравится». В родительских нарративах прочитывается безусловная гордость за Машу, ее успешную интеграцию. Родители связывают ее будущее исключительно с Россией. Сейчас Маша занимается бальными танцами, несмотря на то что это занятие требует много финансовых вложений. Родители предполагают, что и дальше ее будут воспитывать «по-местному». Как эта идея в дальнейшем, с взрослением Маши, будет реализовываться на практике — покажет время.

В рамках одной семьи, фактически в одном поколении, проводится разная социализация детей. Родители помещают детей в разные рамки референций и даже в разные реальности, выдвигают им разные требования и связывают с ними разные ожидания. На примере этого кейса видно, как в рамках даже одной семьи конструируются разные этничности детей, проводится внутрисемейная граница. К сожалению, в нашем исследовании мы встретили только маленьких детей, с младенчества социализируемых в принимающем обществе. И, безусловно, интересно понаблюдать за дальнейшей судьбой детей и родительского отношения к ним. Так или иначе в данном случае можно предположить, что поколенческий подход (мигранты первого, полупервого, второго и пр. поколений...) не совсем релевантен. Отличия жизненных стратегий и механизмы интеграции более тонкие, и связаны они не только и не столько с возрастными различиями или стажем миграции, но по большому счету с разными требованиями в различных системах координат. Действуя во благо детей, родители помещают их в разные контексты и системы референций, по сути выстраивают им разные социальные реальности. Со стороны такое «неровное» отношение может прочитываться как дискриминация одних в пользу других, однако в сущности это и есть жизнь в транснациональных контекстах.

Родительская забота и контроль в ситуации миграции¹

В нашем исследовании под родительской заботой мы понимаем совокупность представлений и практик родителей, направленных на поддержку материального, социального и эмоцио-

¹ К сожалению, речь здесь пойдет только о практиках ухода за детьми, которые приехали в миграцию вместе с родителями. Как мы уже отмечали, в данном проекте нам не удалось провести исследование у мигрантов дома, пообщаться и понаблюдать за детьми, которые не уехали или вернулись из миграции. При этом мы понимаем всю важность подобного двустороннего подхода. Однако пока оставим эту задачу для следующих исследовательских проектов.

нального благополучия детей. Несмотря на тот факт, что мы в наших исследованиях не встретили откровенных и акцентированных проявлений «западного детоцентризма» (в частности, в ситуации миграции, вне зависимости от гендерной принадлежности родителя, существует своего рода приоритет работы вопреки семейным и родительским обязательствам; не выделено особое место ребенка в пространстве дома; с детьми не связаны «основные» траты; не практикуется концепция «раннего развития», ныне здесь столь популярная, и пр.), исследование показало большую значимость детей в мигрантских семьях, когда родители пытаются выстроить с ребенком «субъект-субъектные отношения». Так, родители принимают во внимание желание ребенка остаться дома или уехать в миграцию; внимательны к выбору детьми видов досуговой активности и в принципе готовы следовать за интересами ребенка, несмотря на большие расходы; описывают очень рефлексивно и sensitивно личностные характеристики детей и пр.¹ В ситуации общего дефицита общения родители все чаще стали привозить детей с собой в миграцию, чтобы быть рядом. Хотя справедливости ради стоит отметить гендерные различия в практиках родительства. Все вышесказанное более характерно для материнских нарративов. При этом отцовские нарративы более ориентированы на презентации детских достижений, связаны с гордостью за детей, проектами их будущего.

Родители в своих представлениях о том, что ребенку нужно и каким образом необходимо заботиться о нем, исходят прежде всего из понимания блага для ребенка. В нашем исследовании «общим местом» представления о благе ребенка стало хорошее знание русского языка. По мнению родителей, русский язык — это не только показатель интегрированности ребенка, но и залог его будущей профессиональной успешности и состоятельности, вне зависимости от того, где в будущем ребенок будет жить. Более того, особую ценность представляет российское среднее и высшее образование. Например, родители Аюны и Гули — двух киргизских девочек — привезли с собой в миграцию три года назад сначала старшую Аюну, когда той исполнилось семь лет, с тем чтобы отдать ее в петербургскую школу. В этом году с этой же целью привезли в Петербург семилетнюю Гулю. Сейчас девочки ходят в одну школу. Родители пытаются оформить себе и детям российское гражданство. По мнению родителей, российское образование — это самое лучшее и важное, что они могут дать детям.

¹ Хотя родительское доминирование и приоритет родительского решения, выраженный во фразе «Я лучше знаю, что тебе надо», безусловно, присутствуют. Однако нам хотелось прежде всего отразить тенденции детской эмансипации и родительской чувствительности.

Очевидно, в эту же логику «блага» включено представление родителей о том, что дети должны проявлять уважение и безусловно поддерживать родительский авторитет или, более широко, авторитет всех взрослых. Однако этот моральный постулат имеет и другую сторону. Поддерживая идею об общем авторитете всех взрослых, родители сами воспроизводят стереотип тотального доверия ко всем образовательным институтам. В то время как в современном российском обществе наблюдается общий кризис доверия к институтам в целом и фигуре учителя в частности, а взрослые тщательно подыскивают учителей, «мониторят» их странички в социальных сетях, собирают отзывы и пр., родители-мигранты выключены из производства локального повседневного знания и практически полностью делегируют вопросы образования детей образовательным институтам и людям, их представляющим. Видимо, этим отчасти можно объяснить довольно легкую интеграцию детей мигрантов в школьную среду, о чем, собственно, писали наши коллеги [Иванюшина, Александров 2013].

Отдельно хочется отметить в некотором роде естественное и полное погружение детей из мигрантских семей в домашнее хозяйство. В отличие от местных детей, чье участие в ведении домашнего хозяйства частично и фрагментарно, выражено в какой-нибудь одной или нескольких домашних обязанностях, дети мигрантов из Средней Азии рано рассматриваются как полноценные участники домохозяйства и включаются в работу по дому. В ситуации миграции, когда низкие зарплаты низкоквалифицированных работников (а именно эти ниши в основном заполняют приезжие) компенсируются за счет увеличения рабочего дня, отказа от выходных, сочетания нескольких мест работы и пр., обязанности по ведению домашнего хозяйства и присмотру за младшими в основном делегируются детям.

Родительская забота также воплощается в контроле над детьми; в частности, следят за учебой ребенка, его передвижениями по городу, соблюдением общепринятых норм поведения и пр. В исследуемых нами кейсах такой контроль, как правило, гендерно маркирован. В большей степени он осуществляется над девочками-подростками. Зачастую родители не отпускают их в одиночку из дома, ограничивают в общении с ровесниками, особенно с юношами. Иногда принуждают носить хиджаб. Так, 16-летней Гульсун, приехавшей в Санкт-Петербург год назад, позволено только ходить на курсы русского языка и гулять со своей младшей сестрой на детской площадке. В школу ее не устраивают не только из-за незнания русского языка, но и потому, что «отец у нас строгий», как говорит ее мать Динора. Отец также запретил дочери устроиться на работу, хотя уже

было найдено хорошее место в прачечной, где тоже работали молодые женщины-мигрантки. Если девочка уже включена в сети общения с местными сверстниками, ориентирована на жизнь в России, подобный контроль со стороны родителей грозит превратиться в конфликт. В этом смысле наличие дружеских сетей, а именно подруги, которой доверяют родители, обеспечивает определенную степень свободы девушки. Например, Азаде, девочке, чья семья приехала в Петербург из Азербайджана, родители разрешили продолжить обучение в 10-м классе только благодаря тому, что у нее есть близкая подруга, с которой они дружат с первого класса. Важно отметить, что эта подруга — тоже мигрантка из Азербайджана и родители Азады доверяют ей.

При этом, как правило, мальчикам и юношам передвижения по городу никак не ограничивают. Дети даже в юном возрасте (в нашем исследовании встретился и семилетний мальчик) довольно свободно перемещаются самостоятельно. Однако, как мы полагаем, такое отношение вызвано, с одной стороны, незнанием рисков большого города, с другой — доверием к нему и его жителям. Старшее поколение мигрантов, имея за плечами опыт жизни в СССР, приезжает в миграцию еще фактически в «свое» — освоенное и оттого безопасное — пространство. Кроме того, мигранты переносят практики жизни из небольших городов на мегаполис. К тому же контроль за передвижением по городу все-таки осуществляется, в частности с помощью регулярных звонков по мобильному телефону. Необходимо отметить, что неструктурированный досуг, связанный с самостоятельными прогулками по городу, тусовками и пр., является лучшим способом освоить незнакомое пространство и интегрироваться в него.

Вопросы о наказаниях детей, безусловно, поднимались в исследовании. Однако их практически невозможно исследовать посредством родительских и детских нарративов. Ответ возможно получить только с помощью погружения в поле, длительного наблюдения, а также длительного и более детального изучения культурных и семейных контекстов в стране исхода. В ином случае дети и родители воспроизводят стройные и правильные речи о недопустимости физического наказания и исключительном воздействии словом. Единственная практика наказания, которую нам удалось реконструировать, — это лишение ребенка чего-либо желаемого: запрет пользоваться компьютером, посетить любимую секцию, временное лишение игрушки и пр., что в принципе является универсальной и довольно распространенной практикой давления родителей на детей. Однако нам показалось важным и интересным, что в воспитательном процессе зачастую задействованы нацио-

нальные нарративы, когда ребенку транслируются примеры из национальной истории или свидетельства высокой культуры, принадлежность к которой обязывает вести себя определенным образом. При этом ценность национального языка здесь оказывается не столь важной — практически ни один из исследуемых нами родителей не озабочен обучением ребенка родному письменному языку.

Эмоциональная составляющая мигрантского родительства

К пониманию «эмоционального» можно подходить с разной исследовательской оптикой; это и дискурс, и нарратив, и практика родительской повседневности [Skrbi 2008; Ryan 2008]. Важно отметить, что истории «нахождения в миграции» крайне эмоционально окрашены, особенно в тех сюжетах, которые затрагивают детскую тему. Самые теплые и самые тягостные эмоции зачастую связаны с детьми, которые привезены с собой или остались дома. В ситуации нахождения «не дома», вне привычного социального и культурного окружения, и удаленности родственных сетей дети становятся особым объектом эмоциональной родительской заботы. В зависимости от того, остаются дети на родине или переезжают вместе с родителями, складываются особые режимы эмоциональности.

В родительских историях нарративы переживания разлуки наиболее сильные и эмоционально окрашенные. Несмотря на то что есть различия в эмоциональной реакции отцов и матерей, и для тех, и для других тема оставленных дома детей важна и трогательна. Мужчины, чьи дети остались дома, показывали нам хранящиеся в телефоне фотографии детей; женщины в процессе интервью часто плакали. За этими эмоциями разлуки, помимо лишения возможности повседневного общения и родительской интимности, могут скрываться переживания о том, насколько хорошо осуществляются за детьми уход и контроль, а также об эмоциональном самочувствии детей. Эльмира приняла решение привезти своего двухлетнего сына после того, как она, приехав к себе на родину, увидела, что он не получает необходимой медицинской помощи. Динора, у которой с собой сейчас две дочери — 5 и 15 лет, а две другие (11- и 17-летняя) остались с мамой в Оше, озабочена тем, что мама слишком строго их воспитывает и не позволяет им общаться с подругами и выходить из дома. До этого пять лет в Петербурге жила старшая дочь Диноры, но год назад она уехала в Кыргызстан, и в Петербург переехала 15-летняя Гульсум, которая сейчас сидит дома с младшей сестрой. Гульсум очень хочет учиться дальше и ходит на бесплатные курсы русского языка, проводимые общественной организацией, но по-прежнему

в недостаточной мере владеет русским. Родители думают отправить ее обратно, однако Динора сомневается: «Жалко ее... Бабушка слишком строгая». И хотя двое детей сейчас с Динорой, она скучает, особенно по 11-летней дочери, которая все эти годы живет с бабушкой. Мама и дочь каждый день общаются по скайпу: «Засыпаем вместе по скайпу. Дочка говорит: “Давай еще немного полежим вместе...”» Однако интернет-связь для мигрантов не всегда доступна. В селах, а часто и в городах в Таджикистане и Узбекистане интернет или не проведен, или очень дорогой. В таком случае единственный канал коммуникации — это телефон. Родители-мигранты мечтают вернуться к детям или планируют привезти их с собой, но если это пока в силу тех или иных обстоятельств нереально, они воспитывают детей дистанционно и пытаются поддерживать эмоциональный контакт.

Присутствие детей рядом обосновывается не только желанием и потребностями самого ребенка, но и эмоциональным комфортом самих родителей, в частности матерей. Динора говорит о своей младшей пятилетней дочери:

Она мне нужна здесь. Я прихожу домой поздно, усталая, а она бросается ко мне и говорит: «Я люблю тебя!» И всю усталость как рукой снимает...

Эмоциональная работа связана с контекстами моральных представлений человека и общества [Baldassar 2007]. То, как эмоционально переживается родительство, регламентируется моральными установками общества. Родители в трансграничной миграции попадают в систему двойных моральных ожиданий — страны исхода и принимающего общества [Dreby 2010]. Хотя надо иметь в виду, что как современные моральные структуры постсоветских обществ подвижны и подвержены влиянию разных процессов, например глобализации или национально-патриотического подъема, так и сами люди, «находящиеся в движении», меняют свои установки. Другая проблема связана с тем, что мигранты выстраивают свою жизнь, разрываясь между необходимостью осуществлять материальную и моральную заботу о семье, сочетая ее с интенсивной 12-часовой работой, зачастую даже без выходных. Качество осуществления родительской заботы может стать объектом морального осуждения. Здесь мы не будем углубляться в эту большую и непростую тему, но хотели бы отметить, что эмоциональная сфера мигрантского родительства связана с противоречивыми моральными переживаниями: с одной стороны, это чувство вины перед детьми, имеющее разную природу, с другой — ожидание того, что дети когда-нибудь оценят их усилия по обеспечению их настоящего и будущего.

Ситуация миграции создает новые контексты для производства и оформления интерпретационных нарративов о чувстве вины [Baldassar 2014]. Чувство вины может быть связано с тем, что подходы к воспитанию детей начинают контрастировать с «местными» контекстами детства, такими как, например, детоцентристские потребительские практики, когда дети растут в изобилии игрушек. Динора говорит:

Вот девочек жалко. Они у меня хорошие. Ничего не просят. Хотя меня иногда Малика упрекает, говорит: «Мама, почему ты у меня не спрашиваешь, что я хочу и что мне нравится?» А у нас так принято, мы у детей не спрашиваем, чего они хотят. Надо так надо. Не надо так не надо. Я вот у них-то ни разу и не спрашивала. Это у русских спрашивают, а у нас — нет.

При этом Динора старается быть включенной в жизненный мир дочери-подростка: она знает, что ее дочь хочет вязать крючком, но все забывает купить ей необходимые предметы, и что та хочет поехать летом на природу, но папа все никак не может найти время, чтобы вывезти их всей семьей за город. И да, Динора обещала с зарплаты купить дочери новую бижутерию. При этом у них очень хороший эмоциональный контакт. Дочь — ее лучший друг, и Динора скорее с ней поделится своими сокровенными мыслями и планами, нежели с мужем. Иногда они похожи на двух заговорщиц.

Мамлакат испытывает чувство вины перед своими сыновьями, которых резко вывезла после тяжелого развода с мужем:

Я, конечно, виновата перед ними. Я извинялась, говорила: прости-те меня, что вот так не подумала, привезла вас. А они говорят: «Ну что ты». Ну и они тоже видели, как мы скандалили и дрались.

Этот опыт по-разному сказался на сыновьях. Оба мальчика год не ходили в школу. Старший сын более скромный, чем младший, — больше сидел дома. Мамлакат по-своему старалась организовать его время, в частности заставляла читать. А младший — более шустрый — все дни проводил на улице, быстро выучил русский и теперь заставляет старшего говорить на русском. Мамлакат собирается отвезти старшего сына в Узбекистан, а младший будет учиться в школе в России.

Еще одна эмоциональная составляющая мигрантского родительства — это особая гордость за достижения детей [Dreby 2006]. Прежде всего речь идет о достижениях детей в освоении языка, учебе, спорте или других сферах. Такого рода успех детей интерпретируется в терминах успешной интеграции: «У него такой хороший русский, как у русских», «Она как мест-

ная, свободно себя ведет, не стесняется», «Ей здесь больше нравится, чем там, дома, в селе...», «Он хорошо учится и хочет дальше здесь учиться». Гордость усиливается на фоне плохого знания русского языка родителями, их ограниченного включения в разные повседневные контексты принимающего общества. Дети в этом случае выступают своего рода «выставочными экспонатами семейных достижений», в частности родительских. Они — показатель того, что семья успешно встраивается в принимающее общество. Правда, это в большей степени относится к детям младшего и среднего школьного возраста. Что касается детей подросткового возраста, родители начинают опасаться влияния окружения на них, выстраивается достаточно жесткая культурная граница, ограждающая своих — более воспитанных, послушных, нравственных и пр. В условиях дефицита ресурсов родительская забота может фокусироваться исключительно на ограждении детей от дурного, по мнению родителей, влияния. Так, девочки-подростки лишаются права ходить в школу. Большая ставка делается на религиозное воспитание детей.

Вместо заключения

В нашем исследовании мы смогли приблизиться, почувствовать атмосферу напряжения и беспокойства пребывания в миграции. С одной стороны, это высокая интенсивность работы, неустойчивость и временность положения, правовая незащищенность, а с другой — постоянная озабоченность наиболее эффективным распределением получаемых ресурсов. И все это вплетено в ткань повседневности, где есть место радостям и счастливым моментам, неудачам, обманам и пр. Эта среда отличается высокой степенью мобильности; происходит своего рода параллельное проектирование и разворачивание разных жизненных сценариев, в которых отъезд или возвращение являются обыденными, хотя и непростыми опциями. Дети в этой картине занимают если не центральное, то важное место. Гульнара, упомянутая в самом начале статьи, как раз говорит об этом. Дети могут вынужденно оказаться в миграции или быть привезены целенаправленно, у родителей могут быть значительные ресурсы (в том числе для обучения детей) или ограниченные. В любом случае будущее детей переживается и рефлексивируется. И связано это не только с выполнением конвенциональных обязательств — «женить / выдать замуж», но и с эмоциональным благополучием детей, их профессиональным самоопределением и пр.

В возникающих комбинациях перемещения детей между двумя странами мы можем проследить, как родители делают выбор,

где ребенку лучше жить, принимая во внимание или, напротив, не учитывая мнение ребенка. Мы склонны предположить, что это решение определяется не только семейными возможностями (в России или стране исхода), но и вполне рациональными соображениями, связанными с возможностями и желаниями самого ребенка. Так, владение русским языком — важное условие для успешной интеграции в России. Младшие дети, которые быстрее и легче учат язык, становятся скорее «местными», у них больше шансов остаться и получить образование в России. Родители поощряют стремление детей «быть как местные» и гордятся ими, как гордились бы своими успехами в интеграции. В то же время проблемы в изучении языка (не важно, по каким причинам) могут стать поводом для возвращения ребенка домой.

Складывается впечатление, что родители, заботясь о благе конкретного ребенка, стараются выбирать или воссоздать для него более или менее определенный и ясный контекст жизни, избегая двойственности транснационализма. В этой связи разное отношение к детям, различные концепции воспитания, разные требования и степень контроля за детьми в одной и той же семье связаны с выбором того или иного контекста. Родители выбирают, как и где будет лучше ребенку — в миграции или дома (или «как дома», когда правила в отношениях с детьми и, более широко, концепция родительства «привозятся» в миграцию). Безусловно, ситуация миграции порождает массу промежуточных и гибридных вариантов. И это отдельная и огромная исследовательская тема. Однако нам представляется интересным и важным тот факт, что родители-мигранты так или иначе пытаются разделять контексты и выстраивать более определенные жизненные проекты своих детей. Свидетельство тому — стратегическое решение родителей о том, отправлять ли домой ребенка, достигшего подросткового возраста, или оставить его в миграции, дать возможность закончить российскую школу и пр. Это связано с тем, что столь желаемая и всячески поддерживаемая родителями интеграция в младшем возрасте уже начинает пугать родителей, когда дети подрастают. Родителям не хватает социальных и культурных компетенций оптимальным образом решить возникающие сложности или конструктивно спланировать будущее ребенка, например подготовить к поступлению в российский вуз. Мы в своем исследовании наблюдали такие переломные моменты, требующие четко определиться с тем, где, в каких системах координат живет ребенок или где он должен находиться в соответствии с представлениями родителей о дальнейшей жизни ребенка. Следует заметить, что такие вопросы все-таки гендерно маркированы, например девушки чаще уезжают домой, с тем чтобы

правильно подготовиться к замужеству. Такой критический выбор во многом определяет дальнейшую жизненную траекторию детей.

Итак, транснациональные контексты проблематизируют родительство. С одной стороны, они предоставляют новые шансы, с другой — становятся серьезным вызовом не только в связи с проблемами интеграции детей, но и в связи с необходимостью определить и создать своим детям ясную, комфортную и перспективную «систему координат».

Библиография

- Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочкова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Гидденс Э.* Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 632 с.
- Иванюшина В., Александров Д.* Антишкольная культура и социальные сети школьников // Вопросы образования. 2013. № 2. С. 233–252.
- Макаров А.Я.* Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94–101.
- Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В., Лукьянова Е.Л., Сабирова Г.А., Крупец Я.Н.* Адаптация детей мигрантов в школе: Методическое пособие: рекомендации по проведению комплекса адаптационных мероприятий в общеобразовательных учебных заведениях РФ. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2010. 104 с.
- Рязанцев С., Хорие Н.* Трудовая миграция в лицах: Рабочие-мигранты из стран Центральной Азии в Московском регионе. М.: Экономическое образование, 2010. 178 с.
- Сабирова Г.А., Андреева Ю.В.* Дети мигрантов и «свои»: школьная дружеская компания подростка // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 72 (1). С. 170–189.
- Урри Дж.* Социология за пределами обществ. Виды мобильности для 21 столетия. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
- Baldassar L.* Guilty Feelings and the Guilt Trip: Emotions and Motivation in Migration and Transnational Caregiving // *Emotion, Space and Society*. 2014. <<http://dx.doi.org/10.1016/j.emospa.2014.09.003>>.
- Baldassar L.* Transnational Families and the Provision of Moral and Emotional Support: The Relationship between Truth and Distance Identities // *Global Studies in Culture and Power*. 2007. No. 14. P. 385–409.
- Bushin N.* Researching Family Migration Decision-Making: A Children-in-Families Approach // *Population, Space and Place*. 2009. No. 15. P. 429–443.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L.* Central Themes in the Study of Transnational Parenthood // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 191–217.

- Dreby J.* Honor and Virtue: Mexican Transnational Parenting in the Transnational Context // *Gender and Society*. 2006. Vol. 20. No. 1. P. 32–59.
- Dreby J.* *Divided by Borders: Mexican Migrants and Their Children*. Berkeley, CA: University of California Press, 2010. 311 p.
- Glick-Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C.* From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration // L. Pries (ed.). *Migration and Transnational Social Spaces*. Aldershot: Ashgate, 1999. P. 73–105.
- Lareau A.* *Unequal Childhoods*. Berkeley: University of California Press, 2003. 480 p.
- Leifsen E., Tymczuk A.* Care at a Distance: Ukrainian and Ecuadorian Transnational Parenthood from Spain // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. Vol. 38. No. 2. P. 219–236.
- Orellana M.F., Thorne B., Chee A., Lam W.Sh.E.* Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration // *Social Problems*. 2001, November. Vol. 48. No. 4. P. 572–591.
- Parreñas R.S.* Mothering from a Distance: Emotions, Gender, and Inter-generational Relations in Filipino Transnational Families // *Feminist Studies*. 2001, Summer. Vol. 27. No. 2. P. 361–390.
- Portes A., Rivas A.* The Adaptation of Migrant Children // *The Future of Children*. 2011, Spring. Vol. 21. No. 1. P. 219–246.
- Ryan L.* Navigating the Emotional Terrain of Families “Here” and “There”: Women, Migration and the Management of Emotions // *Journal of Intercultural Studies*. 2008. Vol. 29. No. 3. P. 299–313.
- Sayad A.* *The Suffering of the Immigrant*. Cambridge: Polity Press, 2007. 360 p.
- Skrbiš Z.* Transnational Families: Theorising Migration, Emotions and Belonging // *Journal of Intercultural Studies*. 2008. Vol. 29. No. 3. P. 231–246.
- White A., Laoire C., Tyrrell N., Carpena-Mendez F.* Children’s Roles in Transnational Migration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2011, September. Vol. 37. No. 8. P. 1159–1170.

Children in Migrant Families: Parenting Strategies in Transnational Contexts

Olga Brednikova

Centre for Independent Social Research
Ligovsky pr., 87, off. 301, St. Petersburg
bred8@yandex.ru

Guzel Sabirova

National Research University Higher School of Economics
Soyuza pechatnikov str., 16 St. Petersburg
gsabirova@hse.ru

The central focus of this article are parental strategies of migrants from Central Asia in St. Petersburg. We understand parenting strategies as a set of ideas and practises on the implementation of parenthood, which include parental involvement and care in the context of migration; the decision-making process on the migration of children and the sending back them to their home country; parents' actions in relation to their child's integration in a particular environment; the emotional support of parenthood and others. The parenting strategies presented in this paper are unfolding in transnational contexts. The article is mainly based on the investigation of individual cases of families with a history of migration (interviews with parents, children and family observations in different contexts) in 2013 and 2014. Parent-child relationships, migration strategy concerning children, remote participation in the practises of childcare, the concept of education in "doubling" frames of reference, and social realities in terms of transnationalism remain quite relevant and actively developing themes. Russian migration policy is not ready to accept the fact of family migration or change conditions. Therefore, migrant children are not included in social support programs, and their well-being is determined by their parental strategies. The findings show that while caring for the well-being of the children, migrant parents try to choose or to recreate a more or less definite and clear context of life for them, avoiding the duality of transnationalism. Parents choose how and where the child will feel better, in migration or at home. Transnational contexts problematise parenthood: they not only provide new opportunities, but also become a serious challenge, particularly when it comes to the problems of children integrating and the need to define and create a comfortable and perspective cultural frame of reference.

Keywords: transnationalism, children of migrants, strategies of migrant parents.

References

- Baldassar L., 'Guilty Feelings and the Guilt Trip: Emotions and Motivation in Migration and Transnational Caregiving', *Emotion, Space and Society*, 2014. <<http://dx.doi.org/10.1016/j.emospa.2014.09.003>>.
- Baldassar L., 'Transnational Families and the Provision of Moral and Emotional Support: The Relationship Between Truth and Distance Identities', *Global Studies in Culture and Power*, 2007, vol. 14, pp. 385–409.
- Bauman Z., *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000. 228 pp.
- Bushin N., 'Researching Family Migration Decision-Making: A Children-in-families Approach', *Population, Space and Place*, 2009, vol. 15, pp. 429–443.
- Carling J., Menjivar C., Schmalzbauer L., 'Central Themes in the Study of Transnational Parenthood', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012, vol. 38, no. 2, pp. 191–217.
- Dreby J., 'Honor and Virtue: Mexican Transnational Parenting in the Transnational Context', *Gender and Society*, 2006, vol. 20, no. 1, pp. 32–59.
- Dreby J., *Divided by Borders: Mexican Migrants and Their Children*. Berkeley, CA: University of California Press, 2010. 311 pp.
- Giddens A., *Sociology*. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2013. 1232 pp.
- Glick-Schiller N., Basch L., Blanc-Szanton C., 'From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration', L. Pries (ed.), *Migration and Transnational Social Spaces*. Aldershot: Ashgate, 1999. Pp. 73–105.
- Ivanyushina V., Aleksandrov D., 'Antishkolnaya kultura i sotsialnye seti shkolnikov [Anti-school Culture and Student Social Networks]', *Voprosy obrazovaniya* [Questions of Education], 2013, no. 2, pp. 233–252. (In Russian).
- Lareau A., *Unequal Childhoods*. Berkeley, CA: University of California Press, 2003. 480 pp.
- Leifsen E., Tymczuk A., 'Care at a Distance: Ukrainian and Ecuadorian Transnational Parenthood from Spain', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 2012, vol. 38, no. 2, pp. 219–236.
- Makarov A. Ya., 'Osobennosti etnokulturnoy adaptatsii detey migrantov v moskovskikh shkolakh [Specifics of the Ethno-cultural Adaptation of the Children of Migrants in Moscow Schools]', *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2010, no. 8, pp. 94–101. (In Russian).
- Omelchenko Ye. L., Andreeva Yu. V., Lukyanova Ye. L., Sabirova G. A., Krupets Ya. N., *Adaptatsiya detey migrantov v shkole. Metodicheskoe posobie: rekomendatsii po provedeniyu kompleksa adaptatsionnykh meropriyatiy v obshcheobrazovatelnykh uchebnykh zavedeniyakh RF* [Methodic Tutorial: Recommendations on the Realizing Adaptation Measures in Schools]. Ulyanovsk: Izdatelstvo Ulyanovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010. 104 pp. (In Russian).

- Orellana M. F., Thorne B., Chee A., Lam W. Sh. E., 'Transnational childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration', *Social Problems*, November 2001, vol. 48, no. 4, pp. 572–591.
- Parreñas R. S., 'Mothering from a Distance: Emotions, Gender, and Intergenerational Relations in Filipino Transnational Families', *Feminist Studies*, Summer 2001, vol. 27, no. 2, pp. 361–390.
- Portes A., Rivas A., 'The Adaptation of Migrant Children', *The Future of Children*, Spring 2011, vol. 21, no. 1, pp. 219–246.
- Ryazantsev C., Khorie N., *Trudovaya migratsiya v litsakh: Rabochie-migranty iz stran Tsentralnoy Azii v Moskovskom regione* [The Faces of Labor Migration: Worker Migrants from Central Asian Countries in the Moscow Region]. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, 2010. 178 pp. (In Russian).
- Ryan L., 'Navigating the Emotional Terrain of Families "Here" and "There": Women, Migration and the Management of Emotions', *Journal of Intercultural Studies*, 2008, vol. 29, no. 3, pp. 299–313.
- Sabirova G. A., Andreeva Yu. V., 'Deti migrantov i "svoi": shkonnaya družheskaya kompaniya podrostka [Children of Migrants and "Their Own": School Peer Group of Adolescents]', *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 72(1). 2014. Pp. 170–189. (In Russian).
- Sayad A., *The Suffering of the Immigrant*. Cambridge: Polity Press, 2007. 360 pp.
- Skrbiš Z., 'Transnational Families: Theorising Migration, Emotions and Belonging', *Journal of Intercultural Studies*, 2008, vol. 29, no. 3, pp. 231–246.
- Urry J., *Sociology Beyond Societies: Mobilities for the Twenty-First Century*. Oxon; New York: Routledge, 2000. 272 pp.
- White A., Laoire C., Tyrrell N., Carpena-Mendez F., 'Children's Roles in Transnational Migration', *Journal of Ethnic and Migration Studies*, September 2011, vol. 37, no. 8, pp. 1159–1170.